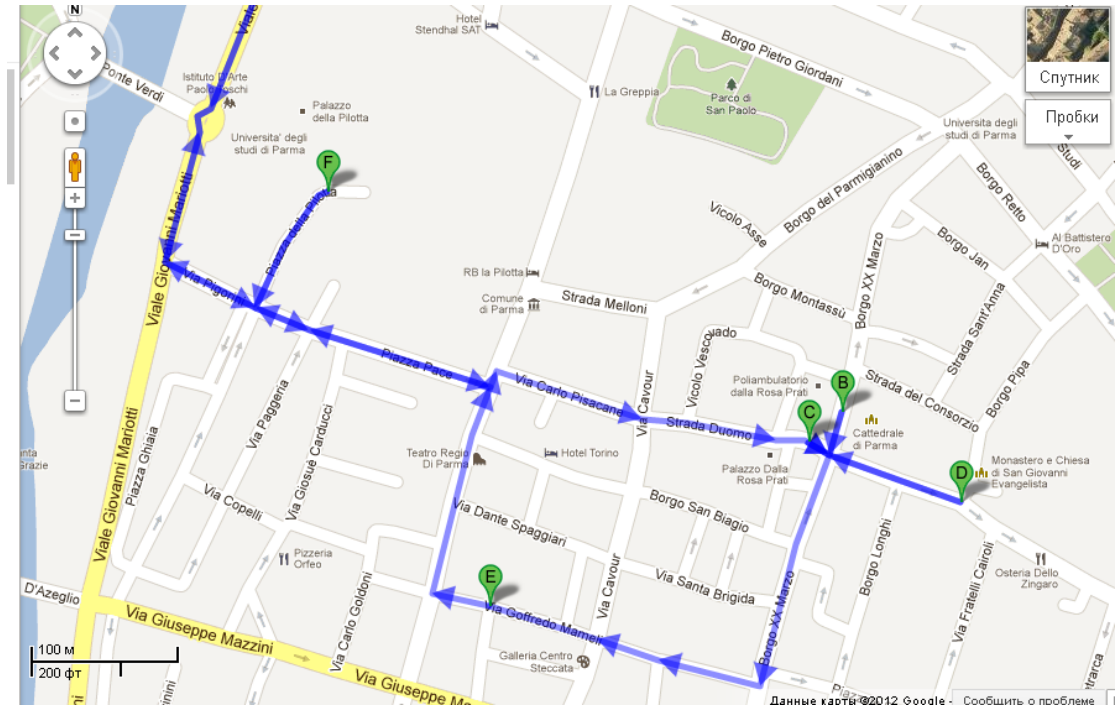

Пьяченца – Парма, 74 км, 51 мин

1. В Собор	241,242,244	
2. С Баптистерий	242,244,247	
3. D Сан Джованни		854
4. E Санта-Мария-делла-Стеkkата Santa Maria della Steccata		
5. F Национальная галерея Palazzo della Pilotta		

В Парме навигатор почему-то не привел нас к заказанному адресу парковки, а увел куда-то в город, в заречную от центра его часть. Проезжая улица кончалась тупиком из-за строительных работ, а боковые поначалу были закрыты для проезда. Тем не менее, мы куда-то свернули, куда, как мы видели, машины проезжали, место для парковки нашли и заплатили за 2,5 ч.

Довольно широкая улица, застроенная, как в Пьяченце, цветными яркими домами, привела к мосту через несуществующую реку и продолжилась дальше и уперлась в широкую площадь Гарибальди с памятником и губернаторским дворцом, известным своей мрачной историей: раньше здесь сжигали ведьм. Потом продавали скот, а

сейчас она, окруженная старинными домами, имеет вполне нарядный мирный вид.

Узкие улочки ведут отсюда к древнему центру – Дуомо (Санта-Мария-Ассунта, по-русски - Успенский), баптистерию и церкви Сан-Джованни Евангелиста. Все это должно было открыться через полчаса, так что у нас было время обойти все кругом и подробно рассмотреть.

Собор заложен в конце 11 в., он грузен и приземист, как и положено романскому храму. Его мраморный фасад, восстановленный в первоначальном виде, строг и наряден одновременно. Хотя, если приглядеться, создан из уже известных элементов: двухъярусный портал, как в Пьяченце, романские галереи на колонках, как в Пьяченце и Пизе, только по-своему скомпонованный. С Пьяченцким собором, а также с миланскими церквями его роднит ломбардское очертание фасада.

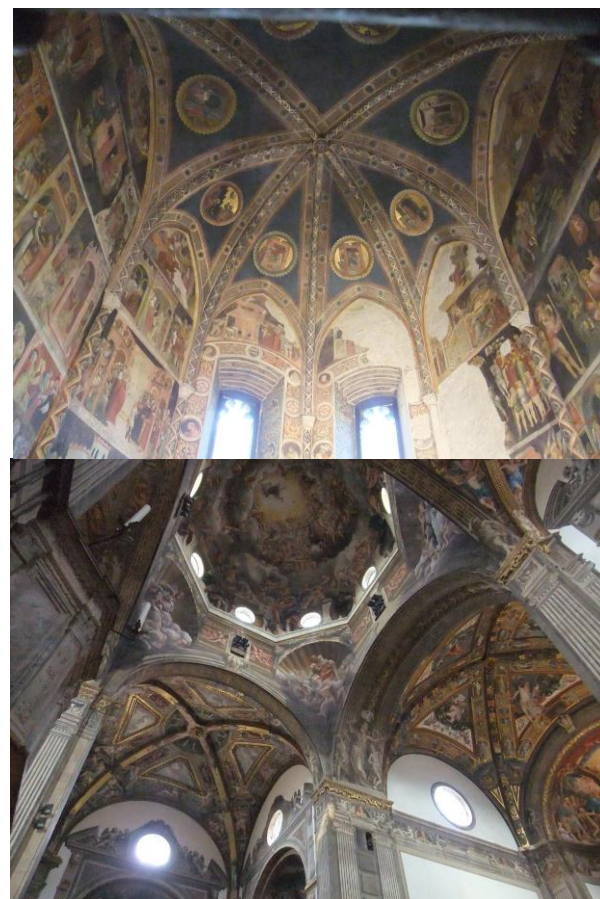
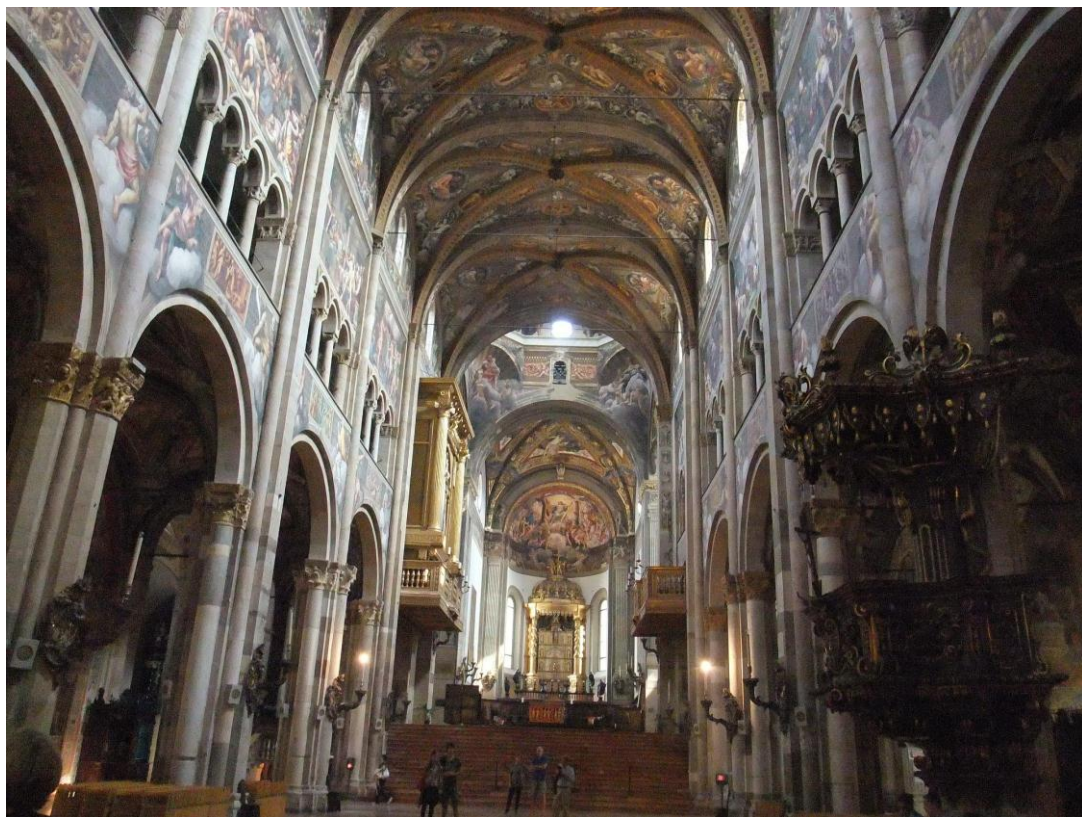
водится, - сила и мощь;
же грубость очертаний
и колоночных галерей
жен также трансепт
Тонкий резной
ный и терракотовый
ми мотивами кажется
и и потому особенно

Капители пилястров, расчленяющих стену апсиды на фальшивые арки, не имеют ничего общего с античностью: растительный мотив чередуется с наивными фигурками людей и животных, которые, как и в русском зодчестве, нигде не повторяются, хоть и практически не видны снизу.

Внутри, как обычно: три нефа с эмпорами, трансепт, купол над средокрестием, почти неразличимый снаружи, крестовые своды, таинственная крипта... Но всю поверхность стен и сводов заполняет живопись: от средневековой до позднеренессансной, в духе Микеланджело, а купол расписан Корреджо. Рассмотреть последний, честно говоря, снизу невозможно, но все вместе создает праздничное, совершенно не такое, как в Пьяченцком соборе, настроение. К тому же — капители с лиственными и животными мотивами, хотя и не такие изысканные, какие мы уже видели...

Если честно, готическая живопись показалась мне вполне уместной и забавной, а обилие барочной реалистической живописи - избыточным и не гармонирующим с суровой романской архитектурой. А вот Юрке как раз это и понравилось...

А мне понравилось! Может быть, отчасти, именно потому, что яркая, сочная живопись дает контраст с, пардон, туповатыми, прямоватыми архитектурными формами. Но дело, конечно, не в этом. Живопись здесь Мазингерская – это уже не борьба художника с собственной технической немочью и не мучительный отрыв от канона, а свободное творчество, основанное на очевидном знании анатомии и окрашенное личностью художника, обладавшего, видимо, хорошим чувством юмора – мне показалось, что он немного с иронией относится к своим персонажам и к изображаемой истории. Это же мне виделось и во фресках флорентийского Дуччо, до которых мы в своих прошлогодних заметках так и не добрались, и в капелле Скравеньи, расписанной Джотто, до которой добрались.

Кстати, о сюжетах и персонажах. Понятно, что сюжетики церковных фресок так или иначе ограничена, и, когда за день перед тобой в достаточно высоком темпе промелькивает с десятков вариантов Рождества, крестного пути, успений, вознесений и прочих дидактических картинок, помимо мастерства художника путем многократного наложения однородных картинок в мозгу выявляется забавная черта: самое большое разнообразие, фантазия и чувственность – в сценах Страшного Суда, а, в особенности – в том, как обходятся с грешниками. Какие рожи у дьяволов и бесов! Как они разнообразно и затейливо мучают, поедают, четвертуют, и как это у них весело получается! С одной стороны, понятно, что ни на что человек так не горазд, как на всякие зверские выдумки, а с другой – у кого ни посмотришь на души отправленных в рай, возникает какое-то нехорошее чувство. Во-первых, их на всех фресках и картинах мало. Значит, не очень церковь свою паству высоко оценивает с точки зрения ее праведности и перспективы попасть в рай. Во-вторых, как-то все это неконкретно и не слишком привлекательно – да, улыбающиеся юноша и девушка (а чего ж тогда померли так рано, если праведники?), куда-то идут, и предполагается, что им очень весело, но почему – нигде не объясняется. Вот почему черти в аду такие веселые – понятно, и объяснено

это очень ярко и доходчиво, а чего эти, там, в горних высях так радуются – непонятно. Что, славят имя божье?

Вообще, какая идиотская, холуйская идея, что господу зачем-то может быть нужно, чтобы его славили! Это только в мозги человечков, привыкших подлизываться к начальству, могло прийти, что высшему существу – бесконечному, всеведущему и всемогущему - лезть таких микробов может быть зачем-то нужна и приятна. Воистину, бога в его общепринятом библейско-евангельском виде сотворил человек по образу и подобию своему, причем – не лучший из умов человеческих.

Конечно, человечеству есть за что поблагодарить религию – эта корпорация, хорошенько разбогатев, стала вкладывать серьезные средства в свой имидж, а мы в качестве побочного продукта такой деятельности получили шедевры Микеланджело, Леонардо и Рафаэля. Только иногда из-под

канонического сюжета вылезает такая человечность, что о боге, определенно, забываешь. Вот в галерее Уффици гениальное «Святое семейство» гениального Микеланджело. Молодая женщина энергичным жестом поднимет над головой своего первенца – все настолько живо, динамично и очаровывающее, что невозможно отвести глаз (да еще поверить, что это совершенно современное изображение сделано уже черт-те сколько сотен лет назад). Или в этом

году в Риме в палаццо Корсини (национальный художественный музей) Мадонна Мурильо – строгое грустное лицо серьезной еврейки – не из хабалок и биндюжниц Молдаванки и Пересыти, а из таких *problematische frau*, какие водились на Волыни (в миру – «Цыганская мадонна»). Смотрит тебе прямо в лицо, видно – понимает, что ребенок у нее – проблемный, ни ей, ни ему легко не будет... Но, извините, причем тут бог и религия? Нормальные отношения матери и ребенка.

Да, извините, что встрял в разговор и увел его черт-те куда...

Но главная ценность Пармы – баптистерий, построенный и украшенный скульптурой и разнообразной мраморной пластикой Бенедетто Антеламив 12 в. Восьмигранный, как ему и положено. Аналогичных ему древних баптистериев сохранилось всего три: в Пизе, Флоренции и здесь. Он стоит рядом с Дуомо, и это было первым, что мы увидели, подходя к площади. Первое впечатление: какая-то современная бетонная постройка вроде цилиндрических модных домов в новых районах, только пониже. Низкий купол совершенно не виден из-за краев стен, стройные

башенки тоже не отовсюду видны. Отметим также и сходство с Пизанской башней: он тоже падает!

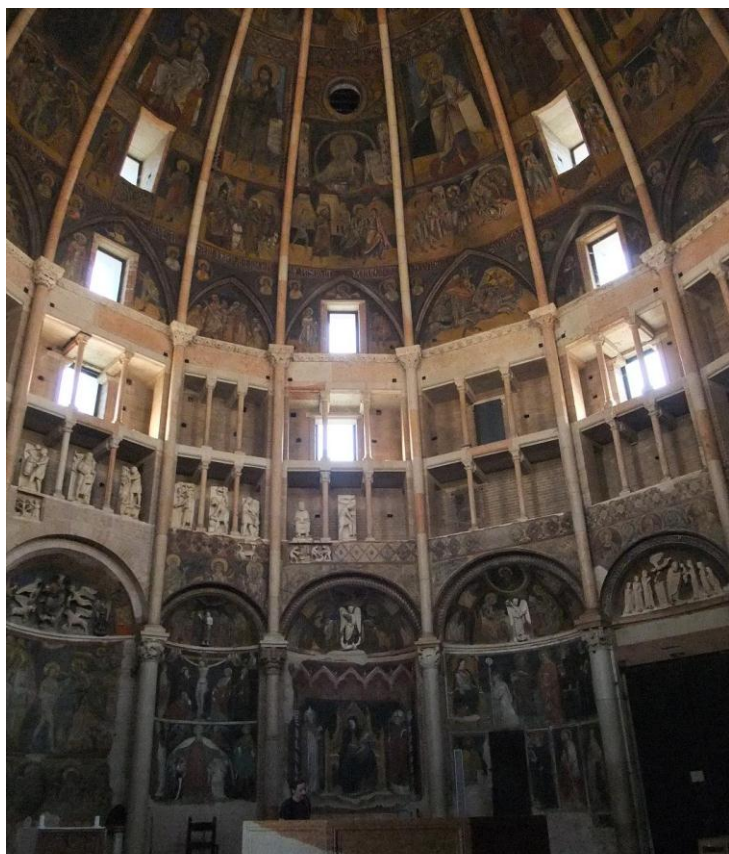
По мере приближения проступает древность постройки: бело-розовый мрамор, пластический декор, великолепный резной перспективный портал. Разглядываю рельефы и понимаю, наконец, почему эта еще довольно неумелые, по-детски выполненные изображения меня волнуют больше, чем зрелое абсолютно реалистически точное искусство Возрождения и более позднего времени: здесь – переход, попытка вырваться на свободу реалистического воспроизведения объектов от оков - то ли символического византийского канона, то ли просто неумения. В 12 в. античные образцы почти утрачены, а собственный опыт еще не накоплен. Поэтому каждое приближение к жизненно-

живому жесту, выражению, позе является прорывом в неизвестное. Эта тенденция – приближения к природе (одновременно – к античным образцам) – будет наблюдаться на протяжении романской эпохи, усилится в готическом искусстве, достигнет своего апогея в искусстве Ренессанса и на этом остановится – дальше встанут иные художественные задачи. В живописи прорыв от омертвелости к жизни совершил Джотто лишь в 14 в. Этот прорыв подготовлен множеством малоизвестных сейчас работ, содержащих лишь намеки на реализм. Антелями трудно сравнивать с Джотто, но ведь он жил в 12 в., когда искусство, позабыв древнегреческую пору зрелости, переживало второе детство. А ребенок ведь всегда трогателен...

Но картины все-таки лучше получаются у взрослых (см. выше), а неумелость, чем бы она ни была обусловлена, всего лишь несовершенство, и, когда знаком с образцами более высокого полета, понимаешь, что весь этот «прелестный примитив» - всего лишь «культурный слой», на который опираются и над которым возвышаются истинные шедевры.

Войдя внутрь, понимаешь, что внешняя форма здания и его структура никак не соответствуют друг другу. Многогранный купол оказывается очень высоким, изумительных пропорций, только скрывается за внешними стенами. Невысоко, напротив, основание, столь же многогранное, как и купол, расчлененное колоннами, в которые опираются ребра свода, в результате чего все пространство и взгляд входящего устремляется ввысь. Балкончики под куполом заполнены скульптурой, стены и купол – сплошь фресками, причем и византийского, и готического характера, очень яркими, но вполне гармоничными по колориту. А мои любимые капители по фантазии пластики не имеют равных. В общем, красота в чистом виде, можно только догадываться, какое впечатление она производила на современников, если и сейчас поражает!

Снова вышли на средневековую площадь к Дуомо: с одной стороны – Собор со стройной колокольной (жаль, закрытой лесами для реставрации), рядом – баптистерий, напротив Собора – Епископский дворец, довольно жалкое подобие палаццо Готико, видимо, не раз перестроенный, но достойное замыкающий площадь, не отвлекая от главных красот. После этого как-то не очень тянуло в ренессансную церковь Сан-Джованни Евангелиста, несмотря на обещанные фрески Корреджо и Пармиджанино, не хотелось перебивать впечатление. По этой же причине пропустили запланированную церковь Санта-Мария-делла-Стекката 16 в., также полную фресок Пармиджанино. А посмотреть знаменитое Палаццо-делла-Пилотта со знаменитым и уникальным театром 17 в. - Герцогский дворец, построенный – отгадайте, кем? – правильно, Фарнезе – все равно не успевали даже издать, потому что парковка оказалось не в запланированном месте. Тем временем не только дождь кончился, но и солнце выглянуло, и ласково пригрело, и мы решили наслаждаться жизнью – Юрка получил, наконец, искомое ручное мороженое и несколько подобрел.

Из города с навигатором выехали без проблем (я все боялась, что он поведет нас на закрытую ремонтниками дорогу) и помчались в Модену.

Как это у нее лихо – «помчались»...»Мы поедem, мы помчимся на оленях утром ранним...» За рулем, для ясности, сидел я, и, помимо физической нагрузки, это было сопряжено и с нравственной. Сразу два женских голоса - GPS и Танькин – уещевали меня не нарушать скоростного режима, что, во-первых, отвлекало, а, во-вторых, было форменным издевательством – местные сквозили мимо меня, «превышающего разрешенную скорость», развивая

километров на 50 больше. Впрочем, все это были цветочки по сравнению с ягодками, которые мне достались на горной дороге вдоль амальфитанского побережья, о чем, надеюсь, еще будет в своем месте.

И еще должен заметить в оправдание скудости моих впечатлений в этом тексте. Когда за день одолеваешь маршрут Пьяченца – Парма – Модена – Болонья, в промежутках между перегонами хочется чего? Вот вспомните: вы приехали на экскурсионном автобусе в какой-то исторический город, и что делает водитель этого автобуса, пока вы обнюхиваете все местные достопримечательности? Ползает вместе с вами? Черта лысого – он расслабляется в меру возможностей и способностей. (Потому что едет в сотый раз и уже все увидел или потому что это ему по фигу – Т. Это замечание моей жены мы отметем как необъективное мнение заинтересованного лица. ЮШ) Вот этой-то возможности у меня и не было на протяжении всего путешествия, поэтому, наверное, в мою память и врезались только уникальные, особо своеобразные или рассмотренные отдельно от сплошной массы объекты – это будет, надеюсь, заметно по ходу дальнейшего изложения. ЮШ

Для справедливости: обратите внимание на километраж между городами – всего-то 50 – 60 км! К тому же по гладкой свободной дороге! Типичная точка зрения того, кого везут... ЮШ